

НАРОДЫ СССР

A. Vyšniauskaitė. Lietuvių Šeimos tradicijos. Vilnius, 1967, 184 p.

Однажды поздним ноябрьским вечером я зашел в опустевший перед закрытием книжный магазин. Мужчина лет тридцати разговаривал с продавщицей, и я стал невольным свидетелем их беседы. Молодой человек, оказывается, был приглашен «сва- том» на свадьбу, и сейчас безуспешно искал литературу, в которой можно было найти примеры речей свата-говорюна и острослова, одного из главных лиц литовской народной свадьбы в прошлом. Увы, помочь было невозможно: ни одной книги подобного рода в магазине не оказалось. Такое положение огорчает и вызывает законное удивление: ведь в ряде работ литовских этнографов отмечалось, что в последние два десятилетия в Литовской ССР все настойчивее проявляется тенденция справлять семейные праздники по возможности ярче, богаче, торжественнее. Вспоминаются и вновь вводятся в обиход некоторые уже полузабытые народные обычаи. Вопрос о развитии традиций стал проблемой повседневной общественной практики и научного исследования. Появилась настоятельная необходимость удовлетворить потребность в литературе, освещающей уходящие в прошлое богатства народных обычаев, собиравшей накопленный новый опыт и, наконец, теоретически осмысливающей ход развития традиций в социалистическом обществе. Важным шагом в этом направлении был выпуск книги А. Вишняускайте «Литовские семейные традиции».

Книга состоит из двух частей. В первой, включающей 4 раздела, читателю предлагается описание свадебного и похоронного обрядов, обряда «вардинос», заменяющего крещение — «криштинос», празднования дня рождения и именин. Во второй части приведены примеры фольклорных свадебных речей, свадебных песен с нотами, игр, танцев. Шестьдесят фотографий, помещенных в книгу, иллюстрируют старинные и современные обычаи. К тексту приложен библиографический список.

Много внимания автор книги уделял свадьбе — одному из главных событий в жизни человека. Материал соответствующего раздела строится так: вначале дается краткая характеристика литовской крестьянской свадьбы конца XIX — начала XX в., а затем обзор отдельных частей свадебного цикла. На стр. 12—17 мы находим описание старинного сватовства. На стр. 18—19 эти обычаи оцениваются с современной точки зрения, даются некоторые рекомендации. Так, считая, что сватовство в старом его понимании невосвратимо ушло в прошлое, автор предлагает сохранить в современной свадьбе помолвку, а также некоторые обычаи обручения. Помолвка рассматривается как часть обрядов предсвадебного периода, обязательного для испытания взаимных чувств молодых людей и для достижения лучшего взаимопонимания между ними. В обручении же (обмене кольцами, совершаемом между помолвленными в кругу родственников и друзей) автор видит символ, подтверждающий своей торжественностью серьезность намерений лиц, собирающихся выступить в брак.

А. Вишняускайте ставит также вопрос о том, какими должны быть современные церемонии обручения.

Подобным же образом автор описывает и остальные части свадебного цикла. Учитывая накопленный в соответствующих организациях республики опыт, он подробно останавливается на церемониале заключения брака. Рассматриваются различные варианты свадебного торжества: свадьба в широком общественном кругу, свадьба в узком кругу ближайших родственников и друзей и т. д. Последовательно и внимательно разбирается вопрос о традициях, о конкретных обычаях и обрядах старинной свадьбы. Так, например, автор рассказывает о том, как изменилась роль некоторых действующих в цикле «свадебной драмы» лиц, в частности, сват в наше время стал фигурой карнавального порядка, задача которого состоит в развлечении участников праздника. Автор горячо поддерживает имеющий глубокий моральный смысл обычай встречи молодых, возвращающихся после заключения брака, хлебом и солью. Он дает

советы, как устроить подобную встречу, если на свадьбе не присутствуют родители невесты или жениха. Наряду с этим автор выступает против некоторых устаревших традиционных обычаев (например, против окутывания молодой тулупом, что аллегорически выражало пожелание богатства), не дающих, по его мнению, ничего позитивного ни с идейной, ни с эстетической точки зрения. Он выступает и против обрядов явно магического характера, сохранившихся в течение веков в народных семейных традициях.

Обстоятельно, с той же целенаправленностью говорится в книге и об остальных литовских народных праздниках.

Интересно написан раздел об именинах и дне рождения. Материалами, помещенными в разделе, как бы подводится итог дискуссионным выступлениям о целесообразности празднования дня именин. На основе анализа обычаев проведения современных литовских именин автор указывает, что в традиции именин нет «никаких аллюзий на религиозный культ» (стр. 66) и что сам этот обычай очень глубоко укоренился в быту и сознании народных масс. В результате автор приходит к выводу, что принципиальных аргументов против именин как семейного праздника нет, и каждый волен выбирать сам, что ему праздновать: день рождения или именины. По мнению автора, празднование дня рождения имеет более глубокий смысл.

Очень важен раздел о похоронных обрядах. А. Вишняускайте стремится выделить все позитивное, что имеется в современных литовских народных похоронах, и выступает против пережитков магических верований. На страницах этого раздела внимания читателей предлагается также ряд теоретических положений о связях обычаев с общим мировоззрением народа.

Таким образом, автор создал книгу, преследующую двоякую цель: с одной стороны, он стремится ознакомить читателя со старинной семейной обрядностью литовцев, с другой — дать некоторые рекомендации, которые можно было бы использовать при создании нового гражданского церемониала и при проведении семейных праздников.

В научно-теоретическом отношении книга представляет несомненный интерес для всех, изучающих семейный быт и, в частности, современные семейные праздники. Как отмечает автор (стр. 8), вопрос о принятии наследия прошлого остается в известной мере проблематичным, и по этому поводу существуют различные мнения. Не вступая в полемику с другими учеными, автор книги, основываясь на положениях марксизма-ленинизма о преемственности культуры, положительно отвечает на главный принципиальный вопрос — жить или не жить старинным народным обычаям и обрядам в современном обществе. К этой проблеме А. Вишняускайте стремится подойти исторически, рассматривая каждое явление в его развитии и в зависимости от изменений характера общественных отношений. Семейные обычаи и обряды, как пишет автор, отражают конкретные условия жизни народности или нации, они являются выражением мировоззрения народных масс. Все это говорит о том, что попытки волюнтаристически создавать новые обычаи для народа вряд ли смогут дать положительных результатов.

В книге затрагивается и вопрос о соотношении литовских семейных праздников с аналогичными праздниками соседних народов, а также с элементами обычаев и обрядов, приобретших в течение XIX—XX вв. широкий международный характер. Автор считает, что общее в традициях литовцев и их соседей — это результат сходства их образа жизни в прошлом, а также следствие прямых культурных взаимодействий. Автор делает важный вывод о том, что при создании новых обычаев и обрядов, а также при возрождении старых, не следует отрицательно относиться к тому или иному обычаю только потому, что народ перенял его у своих соседей. Главное, считает автор, должно заключаться в том, чтобы эти обычаи соответствовали современным потребностям народа.

А. Вишняускайте обращается к местным Советам депутатов трудящихся, к Бюро ЗАГС с предложением умело внедрять в жизнь новые традиции и обычаи. Кроме того автор отмечает большую работу, проделанную сотрудниками Министерства культуры, писателями, художниками, композиторами по созданию новых обрядов семейных праздников и призывает усилить творческую работу в этом направлении.

К сожалению, вопросы самостоятельного изменения обычаев семейных праздников остаются в работе на втором плане. А об этих изменениях, выражающих общие тенденции развития, необходимо знать как исследователю-теоретику, так и практику-общественнику.

Автор признает (стр. 85), что не все его предложения являются бесспорными. Он подчеркивает, что новые обычаи находятся в процессе формирования и многие из них не получили пока широкого распространения и признания. Кроме того, об оценке ряда новых обычаев нужно еще серьезно подумать. Последнее, по нашему мнению, относится, прежде всего, к обрядам «вардинос». Известно, что в основе появления той или иной традиции лежит реальная или иллюзорная необходимость. Такой иллюзорной необходимостью было крещение ребенка в церкви, где младенец сиюю обряда очищался от «первородного греха», принимался в общину верующих и получал заступника в небесах.

Нам представляется, что рекомендуемое в последнее время устройство официальных церемоний «вардинос» в Бюро ЗАГС или в Домах культуры с присутствием младенца не вызвано какой-либо реальной необходимостью. Гражданство ребенка определено само собой, имя ему уже дано родителями, и требовать присутствия младенца

и регистрации рождения вряд ли целесообразно: это принесет только лишние хлопоты родителям, особенно в сельской местности. Официальные «вардинос» в таком иде, как они проводятся, фактически представляют лишь воспитательное мероприятие для взрослых. На возражая принципиально против этого обычая, можно сомневаться в его реальной пользе.

В целом же рецензируемая книга представляет собой несомненный вклад в изучение вопросов образования новых обычаев в социалистическом обществе. Ее значимость выходит за пределы республики. Труд А. Вишняускайте служит делу сохранения и возрождения лучших элементов литовской народной культуры, накопленных в течение долгих столетий.

В заключение отметим, что книга образцово оформлена. Ее украшает суперобложка и вставки, выполненные известными художниками В. Юксом и В. Кижараскасом, текст иллюстрируют прекрасные фотографии. Все это оставляет самое положительное впечатление и может служить хорошим примером издания подобного рода.

А. Данияускас

«Кавказский этнографический сборник», вып. II. «Очерки этнографии Горной Ингушетии». Тбилиси, 1968, 268 стр.

Авторы сборника «Очерки этнографии Горной Ингушетии» поставили перед собой задачу не только описать жизнь горцев-ингушей, но и путем анализа материальной и духовной культуры, обычаев и обрядов раскрыть особенности общественного быта этого народа. Такой цели подчинена одна из самых больших статей — «Жилища и поселения горных ингушей», написанная руководителем Чечено-Ингушской этнографической экспедиции и редактором данного сборника А. И. Робакидзе.

Напомним, что еще в 1966 г. в Москве на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и археологических исследований 1965 г., А. И. Робакидзе в докладе «Некоторые черты общественного быта горцев Центрального Кавказа» использовал данные по материальной культуре народов для определения их общественной структуры. В статье А. И. Робакидзе, помещенной в рецензируемом сборнике, жилища и поселения горных ингушей исследуются в двух аспектах. Во-первых, они рассматриваются как объекты материальной культуры и хозяйственной деятельности; во-вторых, они анализируются как явления, в которых отражаются социальная организация и религиозные представления народа. Автор, в частности, убедительно показывает, что сооружение башни было тесно связано с общественным положением и значимостью родственного объединения «тейпа», на территории которого она строилась.

Наличие у ингушей как достроенных, так и незавершенных башен оказывается свидетельством определенных социальных явлений. Полностью достроенные башни с законченным перекрытием принадлежали независимым «тейпам»; незавершенные — более слабым, зависящим от других. «Тейпа», занимавшие самое низкое положение в социальной иерархии, подчас вообще не имели права выстроить свою башню. А. И. Робакидзе в своем исследовании углубил имевшиеся у его предшественников представления о генезисе «тейпа».

В заключение автор приходит к выводу о раннефеодальном характере ингушского общества в период, к которому относится создание рассматриваемых в статье памятников материальной культуры.

Для подтверждения своих мыслей А. И. Робакидзе широко привлекает обширный сравнительный материал, прежде всего, данные о различных сторонах жизни и социальной организации народов горного Кавказа. Эскурсы в этнографию других народов порою выливаются в самостоятельное исследование.

Следует, однако, отметить, что увлеченность автора смежными темами порой нарушает целостность структуры статьи. Например, приводимый в статье интересный материал о хозяйстве ингушей представляет собой отдельный вопрос и, строго говоря, трудно увязывается с основной темой.

Один из интересных типов ингушского жилища рассматривается в статье Г. Г. Гегечкори («Жилище типа «цла» в ущелье реки Армхи и ее притоков»). Мы знаем о существовании такого жилища у равнинных ингушей из работ Н. Ф. Яковлева. Г. Г. Гегечкори собрал полевые материалы, свидетельствующие о широком распространении у горных ингушей во второй половине XIX в. жилищ типа «цла» (их строительство началось после присоединения Чечни и Ингушетии к России). До наших дней эти жилища дожили лишь в пережиточной форме. К сожалению, автор дает слишком краткое описание жилища «цла». Не совсем удачны иллюстрации и подписи к ним. Кроме того, в тексте дается ошибочное описание второй иллюстрации: здесь сказано, что дом имеет один этаж (стр. 250), в то время как на фотографии изображено двухэтажное здание.

Описанный в статье тип жилища широко бытовал в течение сравнительно короткого отрезка времени. В настоящее время дома такого типа уже не строят, и поэтому сведения, добросовестно собранные этнографом, становятся неоценимым вкладом в историю кавказского жилища. Хочется надеяться, что работы в этом направлении будут продолжены.